

ДАШКЕВИЧ Я. Р.

АРМЯНО-КЫПЧАКСКИЙ ЯЗЫК XV—XVII вв.
В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОКОВ(Об использовании экстралингвистических данных
для истории тюркских языков)

Значительные успехи армяно-кыпчаковедения, столь ощутимые на протяжении последних двух десятилетий, заметно контрастируют с отсутствием сведений об армяно-кыпчакском языке в тюркологии конца XIX — начала XX вв. В связи с этим укрепилось несколько превратное представление о самом языке и путях его изучения. Казалось и кажется, что проблема исследования армяно-кыпчакского языка возникла только в последнее время как своеобразный *Deus ex machina*, что о языке этом решительно ничего не знали в предыдущих веках, что сам язык был чуть ли не секретным, а употребление его ограничивалось узким кругом осведомленных. И хотя этому поверхностному впечатлению противоречит значительное количество письменных памятников XVI—XVII вв. самых различных жанров, — армяно-кыпчакский язык приобрел ореол таинственности, который предстоит развеять современной тюркологии.

Несомненно, сам язык, его разнообразные памятники являются настоящей сокровищницей для тюркологов, изучающих историю западно-кыпчакских языков. Ответ на многие вопросы заключен в самом языке, исследование которого продвигается довольно быстро. Полностью осознавая это положение, нельзя, однако, игнорировать и тот факт (или, точнее, те многочисленные факты), что сведения о называемом сейчас нами армяно-кыпчакском языке проникали в литературу, нарративные и документальные источники еще в XV—XVII вв. Эти сведения имеют значительную ценность для современных исследователей. Если продолжать в плане таинственности — эти экстралингвистические данные помогают разрешить загадку языка, создают новые аспекты проблемы, заключающейся в необходимости определить функции армяно-кыпчакского языка, установить его генетические связи с другими тюркскими языками на фоне языковой ситуации XV—XVII вв. в Восточной Европе.

В литературе делались попытки собрать воедино высказывания авторов XVII в. об армяно-кыпчакском языке. Необходимо упомянуть в этом плане работы Э. Трыарского [74, с. 21—26] и Э. Щюца [72, с. 146—147]. На протяжении последнего десятилетия удалось значительно расширить источниковую базу, включить в поле зрения данные XV—XVI вв. В нашем распоряжении имеется более 40 сообщений, заключенных в источниках разных типов. Они позволяют более подробно рассмотреть функцию языка в среде армянских колоний Украины. Для того, чтобы избежать впечатления недосказанности, мы излагаем довольно подробно содержание всех этих сведений, одновременно считая, что таким образом будет достаточно наглядно показано значение экстралингвистических данных для истории тюркских языков вообще.

Неармянские источники

Самым ранним упоминанием о тюркофонии армян Северного Причерноморья можно считать сообщение французского миссионера Иоанна Галлифонского (ум. после 1412), известного посла французского короля Карла VI к Тимуру, отметившего в 1404 г. в «Книге познания земли», что большинство христиан этой области — среди них греки, много армян, черкесы, готы, таты, валахи, украинцы, леки, асы, аланы, авары, кумыки и др. — говорит на татарском языке [38, с. 121].

Об идентичности языков армян и татар писал — в своеобразно трансформированном виде — видный польский историк Ян Длугош (1415—1480). Он отметил в «Истории Польши» (в параграфе «Начало татарского народа и каким образом возросло его могущество», составленном в 60-х гг. XV в.), что «род и народ татар ведет начало от армян, с которыми они тождественны как лицом, так и языком» [34, с. 125]. Это высказывание нужно расценивать как наиболее раннее свидетельство пребывания армяно-тюркофонов на Руси. Оно примерно на 40—50 лет опережает известные памятники армяно-кыпчакской письменности.

В XVI в. вопрос о разговорном и, особенно, литургическом языке армян-поселенцев начинает привлекать внимание польских, а также других авторов. Стимулирующим моментом являлись попытки подчинить армяно-григорианскую церковь на Украине римскому папе.

Итальянский церковный деятель и дипломат Антонио-Мариа Грациани (1537—1611) встретился — в качестве секретаря кардинала Дж. Ф. Коммендоне, объезжавшего Польшу и Украину — с армянами во Львове в 1564 г. Под свежим впечатлением от встречи он записал, что армяне «имеют кодексы и церковные песнопения, написанные армянскими буквами и [армянским] языком, однако их читают только некоторые священники. Сами вообще говорят на скифском и турецком языках» [36, с. 189]. Под скифским языком в данном случае нужно понимать татарский (что соответствовало культурно-историческим представлениям XVI—XVII вв.). Именно так понимал данное определение известный французский писатель и историк Валентин-Эспри Флешье, переведивший на французский язык латинский оригинал Грациани — цитируемое место он перевел как «говорят на турецком и татарском языках» [37, с. 204].

У представителя польского католического духовенства, львовского архиепископа Яна-Дмитрия Соликовского (1539—1603), обнаруживаем определенную осведомленность о мультилингвизме армян. В составленных ранее 1597 г. мемуарах «Краткие заметки о польских делах» он подчеркивал, что армяне Львова имеют «язык общий с турками» [53, с. 108]. В предложенных им же условиях компромисса между армянским и польским населением Львова (1597 г.) Соликовский устанавливал, что «все господа армяне понимают турецкий язык» и это облегчает им крупную торговлю с Турцией [48, с. 249]. Из этих сведений о языке Соликовский делал далеко идущие выводы. В проекте компромисса он утверждал, что армяне не могут иметь прав, равных с поляками, так как «прибыли со своим другим языком, которого нет в Европе, а только в Азии». Тогда же он указал, что армянам предполагается «сохранить все обряды на ихнем языке» [48, с. 249]. О том, что армяне во время литургии употребляют свой язык, архиепископ докладывал Риму в 1600 г. [49, с. 25]. В общности языка армян и турок Соликовский видел большую политическую опасность для Львова — армяне при поддержке турок могли бы в скором времени овладеть городом... [53, с. 108].

В своих рассуждениях Соликовский отразил идеи, господствовавшие в среде польского населения Львова. Ведь еще в 1578 г. городской совет

обращался к королю Стефану Баторию, требуя отмены равноправия армян, которым нельзя давать одинаковые права с поляками из-за различия в языке [29, с. 80].

Отзвуки тюркоязычности армян достигли русской литературы. В «Слове о арменех» (включенном, например, в состав рукописи конца XVI в. «Обыходник столовый и чинов разных») указывается, что армяне «с бесурменами бесурмени, с татарове татарове» [63, с. 2].

Значительный интерес — с точки зрения явных аналогий — вызывает сообщение о тюркофонии армян Турции в XVI в. Видный итальянский географ Джованни Ботеро (1533—1617) в своих «Всеобщих реляциях» (1591 г.) записал, что «армяне совершают богослужение на своем языке, между тем как в разных местностях говорят на различных языках, но в Константинополе они настолько привыкли к турецкому языку, что с большим трудом произносят Отче наш по-армянски» [30, с. 478].

Тем не менее необходимо отметить, что на тюркофонии армян Украины в XVI в. (столь хорошо подтверждаемую — начиная с 20-х гг. этого столетия — письменными памятниками [62, с. 160, 170]) не обратили внимания другие современники, писавшие о языке армян Украины.

Известный польский ученый Матвей Меховский (1459—1523) упоминал в 1517 г. о том, что армяне в своих церквях употребляют армянский язык [42, л. eiii]. К папскому дипломату Фульвию Руджьери проникли в 1565 г. только сведения о том, что армяне на Украине говорят собственным языком [71, с. 146]. Деятель польской реформации Ян Ласицкий (1534 — после 1599) писал в 1574—1580 гг. о том, что армяне совершают богослужение на родном языке [39, с. 59]. Видный польский историк Марцин Кромер (1512—1589) подчеркивал в 1577 г., что армяне говорят на своем языке, а также по-польски и по-украински — и свой собственный язык употребляют во время богослужений [32, с. 51].

Гораздо больше разнообразных сведений об армяно-кыпчакском языке сохранилось у польских, немецких, французских, голландских и других авторов XVII в.

Львовский немецкий хронист Иоганн Альнцех (ум. 1636), описывая в 1603—1605 гг. Львов, писал, что местные армяне отправляют богослужения в церкви на родном языке, однако «дома говорят исключительно по-татарски» [27, с. 20].

Известный польский философ Шимон Петрицы (1554—1626) в своем комментарии к переводу «Политики» Аристотеля (1605 г.) посвятил языку армян отдельный абзац, озаглавленный «Армяне употребляют языческий язык». Приводим цитату из него: «Те, которые употребляют язык врагов христиан, например, турок, татар и язычников, более подозрительны, чем те, которые не употребляют этого языка [...] Однако армяне употребляют язык турецкий, татарский, языческий, восхищаются им, между собой всегда на нем говорят, учатся ему нарочно еще в детстве. Не знают свой собственный армянский язык, [знают его] несовершенно и учатся ему в школе, как мы латинскому и греческому». В другом месте этого же сочинения Петрицы писал, что «армяне [...] поддерживают дружбу с нашими врагами, например, с турками, из-за идентичности языка» и подчеркивал, что армяне сохраняют язык, принесенный извне [46, с. СXXX, СXXXIII].

Немецкий географ Мартин Цейллер (1581—1661) в «Новом описании королевства Польши и Великого княжества Литовского» подчеркивал в 1657 г., что во Львове «язык армян общий с турецким» [58, с. 148]. Другой историк и географ голландец Андреас Целларий в подобном же «Новейшем описании» упоминал в 1659 г. о том, что армяне Украины «говорят на языке, соответствующем турецкому» [31, с. 315].

Французский востоковед, префект армянской коллегии ордена театинцев во Львове, в дальнейшем французский посланник в Иране Луи-Мари Пиду де Сент-Олон (1637—1717), который был неплохим языковедом, провел в среде армян Украины 15 лет (1663—1678 г.). Эти годы он описал в двух отчетах: «Краткая реляция о состоянии, начале и развитии апостольской миссии к армянам Польши и Валахии и соседних стран» (1669 г.) и «Сжатая реляция об объединении армяно-польского народа со святой римской церковью» (1676 г.)¹. Пиду неоднократно касался вопроса о разговорном языке, который он называл турецким или татарским, а также скифским в смысле татарского. В 1665—1669 гг. он упомянул армянского священника, львовянина Г. Бальзама, который «свободно владел турецким, татарским, латинским и книжным армянским» [47, с. 16, 37]. В 1666 г. он писал о монашке Марии в Каменце-Подольском, которая «говорила не только на родных языках, т. е. украинском и татарском, но и на итальянском и армянском». И. Балтароглу, уроженец Кафы, в 1668 г. «читал проповеди в церкви по-турецки», а К. Муратович из Каменца-Подольского, упомянутый в 1669 г., «знал татарский, украинский, польский и латинский языки» [47, с. 70, 109, 111].

В 1666 г. приехавшего в Каменец львовского армянского архиепископа Н. Торосовича местные армяне приветствовали «многочисленными речами по-татарски и по-польски» [48, с. 151]. Для того, чтобы огласить в каменецких церквях послание Погоса Тохатеци, нвирака эчмиадзинского католикоса, написанное в Килии по-армянски, архиепископ вынужден был перевести его в 1666 г. «на турецкий язык» [47, с. 77]. В армянской коллегии во Львове поочередно назначались дни, во время которых говорили исключительно «итальянским, латинским, турецким или обыкновенным армянским языком» [48, с. 209].

Пиду указывал на истоки этого явления. Он писал о том, что в древнейших армянских колониях на Руси (т. е. в Киеве, Владимире, Луцке, Львове, Каменце, Снятыне и Галиче), основанных армянами — выходцами из Крыма, «руководители армян до сих пор основательно знают скифский язык», а в более новых колониях «знают только обыкновенный армянский язык, отличающийся от армянского письменного языка почти так же, как итальянский от латыни» [48, с. 130].

Благодаря встрече с Пиду во Львове в 1670 г. фризийский путешественник и дипломат на французской службе Ульрих фон Вердум (1632—1681) записал в своем журнале, что среди армян Украины «нет почти никого, кто понимал бы древний письменный армянский язык, за исключением нескольких [армян], проживающих в Язловце [...], которые будто бы только сто лет тому назад прибыли из Армении. Их повседневный язык перемешан с множеством татарских слов» [56, с. 81].

Из этого же круга — миссионеров-театинцев — вышел отчет за 1679 г. префекта армянской коллегии во Львове итальянца Франческо Бонезана (1649—1709). В нем отмечено, что два воспитанника коллегии из Львова и два из Каменца знали турецкий язык [68, с. 94].

Ирландский мемуарист Бернард О'Коннор (1660—1698) располагал в 1698 г. только сведениями о том, что богослужения у армян совершаются на родном языке [44, с. 460]. Это, впрочем, вполне соответствовало истине — в это время армяно-кыпчакский язык был уже мертв.

¹ «Сжатая реляция» анонимна; принимаем авторство Пиду вслед за Г. Петровичем [71, с. XVII].

Армянские источники

Несколько важных подробностей о языке (независимо от грамматических и лексикографических пособий, созданных самими армянами для практического овладения армяно-кыпчакским языком) сообщили также армянские авторы XVI—XVII вв.

В колофонах армяно-кыпчакских рукописей XVI в. попеременно употребляются два названия языка — кыпчакский и татарский. Оба названия применялись как адекватные.

Так называемый «Львовский судебник» 1519 г. (кодекс, в соответствии с которым совершалось судопроизводство в армянских колониях) был переведен — как отмечается в колофоне — на татарский (tatarč'a) [40, с. 159]. Священник Микаел, сын Кости, упоминает в составленном в 1562 г. во Львове колофоне «Посланий апостола Павла», что перевод сделан на кыпчакский (хәр'ç'ак) [70, с. 96]. Неизвестный копиист, изготoвивший в 1568 г. во Львове список «Львовского судебного», писал, что перевод осуществлен на татарский [33, с. 15, 73]. В колофоне саркавага Лусика, помещенном в «Псалтыри» 1581 г., указано, что перевод сделан на кыпчакский [18, л. 124 об.]. Саркаваг Андрий переписал в 1591 г. во Львове календарь и отметил, что рукопись составлена по-кыпчакски [55, с. 129, 141]. На еще одной недатированной (как кажется) «Псалтыри» того же времени в анонимном колофоне язык книги определяется как татарский [33, с. 73].

Видный армянский путешественник Симеон дпир Леади (Мартиросович, 1585— после 1639) с возмущением писал в 1618 г. в своих путевых записках, что «львовские армяне не знают армянского языка, говорят польски или по-кыпчакски (хр'ç'agnan), т. е. на языке татар (t'at'ri) [51, с. 346; 25, с. 248]. В сатирической поэме «История Никола» (1634 г.) Симеон высмеивал львовских армянских священников, которые «не знают армянского языка и не понимают, что читают [во время литургии. — Д. Я.]» [52, с. 202].

Языковая ситуация в среде армян Украины нашла отражение в юмористической интермедии, написанной на армянском и польском языках в 1669 г. одним из воспитанников армянской коллегии во Львове, возможно Аствацатуром (Деодатом) Нерсесовичем (1644—1709). В интермедии высмеиваются представители старшего поколения общины, не знающие армянского языка (нужно подразумевать — владеющие только турецким). Родному языку их должны научить студенты коллегии, изучившие в ней армянский язык [43, с. 102—103].

О том, что армянское духовенство, как и весь народ, в период до 60-х гг. XVII в. не знало армянского языка, писал в 1703 г. в своем послании армянам — жителям Токата [57, с. 127] львовский армянский архиепископ Вардан Унаиян (1644—1715).

В этноним *кыпчаки* армянские авторы вкладывали очень разнообразное содержание. Под названиями хр'ç'alk', xiwč'axk', хwč'aj, йр'ç'aj-, хәр'ç'aj, к'ар'ç'ак' и др. понимали гуннов, хазар, тюрок-сельджуков, половцев (ср. сводку данных Дж. Фрассона [35, с. 299—300]). В XVI—XVII вв. этноним *кыпчаки*, однако, довольно стабильно употреблялся как идентичный этнониму *татары*. Из-за этого, как отмечалось выше, Симеон в 1618 г. ставил знак равенства между кыпчакским и татарским языками. Во второй половине XVII в. крымские армянские авторы Мартирос Кримици (Поэма «История Крымской земли», 1672), и Давид Кримици (колофон сиваксара, написанного в Кафе 1690 г.), описывая вторжение в Крым татар, писали, что туда ворвался народ магометанской религии, называемый кыпчаками (хр'ç'ax у Мартироса [41, с. 143], йб'ç'ax у Давида [67, с. 336]).

Важным источником определения названий армяно-кыпчакского языка в XVI—XVII вв. является та информация, которую представляли сами армяне в официальные учреждения Львова. Во Львове, начиная с 1521 г., вся документация общины, включая книги духовного суда, велась на армяно-кыпчакском языке. Из этих книг выдавались заинтересованным лицам заверенные выписи документов на армяно-кыпчакском языке с переводом их на польский. Выписи эти, а также отдельные частные документы на армяно-кыпчакском языке, представлялись в так называемый Армянский суд (в действительности — польский суд для армян) во Львове. При этом армянская сторона сообщала, на каком языке составлен оригинал документа. Эти данные писарь суда (не армянин, а поляк) иногда записывал в судебную книгу. Как правило, армяне указывали, что выписи изготовлены на армянском языке. Нами отобрано более 20 подобных случаев. Определение «армянский язык» из судебной книги нами проконтролировано сравнением с сохранившимися соответствующими оригинальными документами — все они оказались составленными на армяно-кыпчакском языке. Четыре из мнимых «армянских» документов опубликованы.

Изучение архивных материалов привело к следующим результатам:

1. В книге Армянского суда во Львове под 1581 г. упоминается инвентарная опись 1579 г. как написанная на «армянском наречии» (idiomate Armenico) [7, с. 678]. В действительности текст ее составлен на армяно-кыпчакском языке [16].
2. В книге того же суда под 1602 г. упоминается завещание 1571 г. как написанное также на «армянском наречии» [8, с. 260]. В действительности текст его составлен на армяно-кыпчакском языке [1].
3. Там же под 1607 г. упоминается свадебный договор 1595 г. как написанный на «армянском» [9, с. 103]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1].
4. Там же под 1608 г. упоминается свадебный договор 1601 г. как написанный «по-армянски» [9, с. 626]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1].
5. Там же под 1611 г. упоминается свадебный договор 1601—1602 г. как написанный «по-армянски» [10, с. 623]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1].
6. Там же под 1612 г. упоминается свадебный договор 1589 г. как написанный «по-армянски» [10, с. 563]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1].
7. Там же под 1612 г. упоминается свадебный договор 1607 г. как написанный «по-армянски» [10, с. 564]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1].
8. Там же под 1616 г. упоминается завещание 1615 г. как написанное на «армянском языке» [11, с. 7]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1].
9. Там же под 1616 г. упоминается свадебный договор 1572 г. как написанный на «армянском» [11, с. 122]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1], как об этом свидетельствует также его публикация [50, с. 274—275].
10. Там же под 1616 г. упоминается свадебный договор 1595 г. как написанный на «армянском языке» [11, с. 125]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1].
11. Там же под 1618 г. упоминается долговое обязательство 1615 г. как написанное на «армянском» [11, с. 969, 971, 972]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [5, л. 22], как об этом свидетельствует также его публикация [19, с. 48].
12. Там же под 1618 г. упоминается свадебный договор 1595 г. как написанный на «армянском наречии» [11, с. 978]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1].
13. Там же под 1619 г. упоминается завещание 1619 г. как написанное на «армянском» [11, с. 1502]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1].
14. Там же под 1620 г. упоминается долговое обязательство 1609 г. как написанное «по-армянски» [11, с. 1594]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [5, л. 15], как об этом свидетельствует также его публикация [19, с. 50].
15. Там же под 1621 г. упоминается свадебный договор 1599 г. как написанный на «армянском наречии» [12, с. 37]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1].
16. Там же под 1623 г. упоминается завещание 1622 г. как написанное на «армянском наречии» [12, с. 342]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [1].
17. Там же под 1632 г. упоминается завещание 1631 г. как написанное на «армянском наречии» [13, с. 1537]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [2].
18. Там же под 1633 г. упоминается недатированный свадебный договор как написанный на «армянском» [14, с. 76]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [2].

19. Там же под 1636 г. упоминается свадебный договор 1636 г. как написанный на «армянском наречии» [14, с. 545]. В действительности текст его на армяно-кыпчакском [2].

20. В одном из документов Армянского суда во Львове 1638 г. упоминается свадебный договор 1609 г. как написанный на «армянском языке» [4, с. 364]. В действительности текст его на армянско-кыпчакском [4, с. 357—359], как об этом свидетельствует его публикация [20, с. 73—75].

21. В книге Армянского суда во Львове под 1638 г. упоминается инвентарная опись 1638 г. как написанная «по-армянски» [15, с. 252]. В действительности текст ее на армяно-кыпчакском.

Не было ни одного случая, чтобы в судебной книге указывался настоящий (татарский-кыпчакский) язык, на котором написаны документы. Мы уже отмечали ранее то странное явление, что армяно-кыпчакский язык во время официальных контактов с неармянами выдавали за армянский [19, с. 54—55]. В этом, непонятном на первый взгляд, самоназвании отразилось несколько моментов; 1) своеобразная мимикрия, вызванная нападками шовинистических кругов на армян как носителей татарского, т. е. враждебного, языка; 2) национальное самосознание — выражено армянское, для которого было досадно называть разговорным языком неармянский; 3) формальный фактор — ведь употреблялась армянская графика.

Можно указать на один курьезный случай, когда армяно-кыпчакский язык был назван (в книге Армянского суда во Львове, 1544 г.) сараценским, причем в соответствующей записи был проставлен знак равенства между армянским и сараценским языками (*Armenicis idiomate aut Sara-ceno*) [6, с. 291].

В конце XVII в. армяно-кыпчакский язык становится мертвым. В сознании армян XVIII в. он зафиксировался как татарский. Об этом свидетельствует, например, документ 1733 г., составленный писарем львовской армянской общины Я.-Н. Ваковским. В нем упоминается, что древние заветания во Львове писались на татарском наречии [3, с. 109]. В 1788 г. вардапет Серазкян (из венецианских мхитаристов) снабдил армяно-кыпчакский перевод «Посланий апостола Павла» надписью, что перевод выполнен на татарском языке [54, с. 269].

Традиционный взгляд на язык как на татарский или, в лучшем случае, как на особый армяно-татарский диалект татарского языка вошел в армянскую и европейскую науку конца XVIII — начала XX вв. (О. Зограб, С. Гювер-Агонц, М. Бжшкянц, В. Бастамянц, Я. Ташян, Г. Алишан, а также Ф. Е. Корш, Х. И. Кучук-Иоаннесов, Ф. фон Крелиц-Грейфенхорст; перечень работ см. [61, с. 79—80]). Только выступление Жана Дени в 1921 г. положило начало научному определению языка, благодаря которому армяно-кыпчакский язык обрел отдельное место в современной классификационной схеме тюркских языков.

Из приведенных выше сведений следует, что армяно-кыпчакский язык неоднократно привлекал внимание авторов XV—XVII вв. Ни в коем случае это не был какой-то таинственный язык. Наоборот, им интересовались многие современники, в том числе такие, которые также имели языковедческую подготовку.

Благодаря экстралингвистическим данным вырисовывается следующая картина.

Уже в начале XV (если не в конце XIV в.) заметная часть многочисленного армянского населения Крыма употребляла татарский язык в качестве разговорного. В середине XV в. эти армяне-тюркофоны были общеизвестны также на Руси. Пришедшие из Крыма тюркоязычные армяне обосновались в Киеве, Владимире, Луцке, Львове, Каменце-Подольском, Снятыне и Галиче. Тюркский язык поселенцев был не только разговорным,

но и считался родным. Его употребляли как дома, так и во время торжественных церемоний, в церквях — для непосредственных контактов с народом, не понимавшим как армянского книжного (грабар), так и разговорного (ашхарабар) языка. Армяне сохраняли тюркский язык, культивировали его, переводили на него основные законы, церковную литературу — тем более, что он облегчал им торговые связи со странами, зависевшими от Османской империи, и с самой Турцией.

Древнеармянский язык функционировал только как литургический, но его понимали далеко не все священники. Разговорный армянский язык знали плохо, его специально изучали в школах. Этот язык начали приносить с собой поселенцы более нового времени — со второй половины XVI в.

Употребление тюркского языка влекло за собой ряд неприятностей для армян — шовинистические круги обвиняли их из-за тюркофонии в государственной измене, в желании подчинить города Украины Турции, им отказывали в уравнении в правах с поляками. Это явилось причиной того, что при контактах с внешним миром армяне-тюркофоны упорно определяли свой язык как армянский.

Среди названий и самоназваний языка встречаются и явно фантастические (скифский, сарацинский), соответствующие, однако, культурно-историческим воззрениям XVI—XVII вв., и сознательно сбивающие с толку (армянский). Тем не менее основной характер языка определялся правильно — его считали турецким (или, как бы мы сказали сейчас, тюркским), точнее, татарским или кыпчакским, причем последний термин употреблялся исключительно армянскими авторами в качестве синонима татарского. Термин *татарский язык* употреблялся наиболее часто².

Необходимо подчеркнуть, что эти данные о функциях языка, его генетических связях ни в чем не расходятся с косвенными экстралингвистическими сведениями, которые можно почерпнуть из самих армяно-кыпчакскими памятников, так и с лингвистическим материалом, извлеченным из тех же памятников.

Данные нарративных и документальных источников XV—XVII вв. дают основание для некоторых, как кажется, заслуживающих внимания, хотя и несколько непривычных выводов. Не впадая в крайность, необходимо подчеркнуть тот факт, что даже более образованные и лингвистически подготовленные современники, включая самих армян, не ощущали принципиального различия между языком армян-тюркофонов, с одной стороны, и татарским (что — даже при некоторой неопределенности этого термина — в условиях Украины XV—XVII вв. соответствовало языку татар Крыма) — с другой.

К сожалению, в настоящее время сложилось довольно превратное представление об армяно-кыпчакском языке. Мы достаточно хорошо знаем язык периода его упадка, конвергенции к украинскому и польскому языкам. Частные выводы, относящиеся к стадии отмирания языка, распространяются на все время его функционирования [54]. Памятники, можно сказать, нормализованного и даже несколько пурифицированного литературного языка середины XVI — начала XVII вв. хотя частично и публиковались (армяно-кыпчакский перевод Львовского судебного, Хроника польского улуса, Венецианская хроника, армяно-кыпчакская часть Каменецкой хроники, армяно-кыпчакский вариант Сказания о Акире Премудром, переводы Псалтыри и других частей Ветхого и Нового заветов, молитвы и т. п.), однако все еще не привлекают должного внимания, остаются в тени. Увлечение памятниками деловой письменности — т. е. языком по своему характеру макароническим — привело к вульгаризо-

² На это в свое время обратил внимание Э. Трыарский [54, с. 21].

ванному представлению о том, что актовый язык (действительно очень отличающийся от синхронного крымскотатарского языка) — это разговорный и почти литературный. Это, конечно, далеко не так. Не подлежит сомнению, что объектом компаративистских исследований — для сравнения армяно-кыпчакского языка с другими западно- (и не только западно-) кыпчакскими языками — должны стать в первую очередь сочинения на литературном языке.

Независимо от всего этого, армяно-кыпчакский язык рассматривается в какой-то романтической дымке. Считается, что язык памятников XVI—XVII вв. — это законсервированный чуть ли не наживо язык кочевников-половцев, предшественников татар в Северном Причерноморье. Дать романтике была отдана самой методикой исследований — как-то затерялась хронологическая перспектива и последовательность явлений. Забыли о том, что между языком половцев, кочевников XI — первой половины XIII вв., и армяно-кыпчакским языком пролегает расстояние в три-четыре столетия. Забыли о том, что о половецком языке мы, откровенно говоря, знаем очень мало — и все утверждения о мнимой близости армяно-кыпчакского (и даже армяно-половецкого!) и половецкого языков висят, вследствие этого, в воздухе³.

Несколько дезориентирующее название Codex Cumanicus'a (казалось бы, кодекса куманов-половцев) сыграло также свою роль. Идентичность содержания этнонимов *половцы* (в восточнославянских источниках) и *куманы* (преимущественно в западных) как будто не подлежит сомнению. Тем не менее при использовании западных средневековых источников, употреблявших термин *команы* еще несколько столетий после разгрома половцев (= команов), не учитывается эта склонность многих западных авторов к непреднамеренной и преднамеренной анахронизации и архаизации, в соответствии с которыми татары идентифицировались с исчезнувшими с исторической арены команамы (=половцами) и даже скифами. А сравнивая армяно-кыпчакский язык с языком Codex Cumanicus'a, памятника разговорного не половецкого, а татарского языка XIV в. (как об этом, впрочем, говорится в самом кодексе, что редко упоминается только некоторыми исследователями), т. е. языка, который — часто под анахроническим названием команского — играл роль *lingua franca* на обширных территориях Евразии и Ближнего Востока⁴ — снова приходили к выводу о большой близости армяно-кыпчакского языка к половецкому... Как-то затерялось меткое замечание А. фон Габен о том, что «мы можем просто присоединиться к самоназванию Codex Cumanicus'a и определить его язык как „татарский“, т. е. „старотатарский“» [69, с. 48]. Перефразируя это высказывание, можно просто присоединиться к наиболее часто употребляемому названию для армяно-кыпчакского языка XVI—XVII вв. и определить его как «татарский», т. е. «армяно-татарский».

³ Применение более строгого хронологического мерилa необходимо при использовании даже таких работ, бесспорно очень близких к проблематике половецкого языка, как работы А. Зайончковского [75] и К. Г. Менгеса [64]. Известное «Толкование языка половецкого» отражает не половецкий язык, а татарский язык периода Золотой Орды XIV в. Пуганица возникла в связи с тем, что на Руси уже после исчезновения половцев этноним *половцы* идентифицировался с татарами (как на Западе *команы* = татары).

⁴ Монах Пасхалис писал в 1338 г. из Алмалыка о том, что в Сарае он «с Божьей помощью изучил команский (*chamanic*) язык и уйгурское письмо, ибо этот язык и письмо употребляются повсеместно во всех владениях или империях татар, персов, халдеев, мидян и в Китае» [45, с. 504]. Подобным образом Ф. Бальдуччи-Пеголотти, составитель торгового пособия в середине XIV в., подчеркивал, что купцам в Причерноморье необходимо иметь переводчиков, владеющих команским, для того, чтобы вести торговлю с жителями «стеней» [28, с. 21—22].

На всей проблематике отрицательно сказывается неразработанность этнической истории тюркских народностей Восточной Европы в период Средневековья. Отсутствует последовательная научная этнонимия, сопоставимая с этнонимией источников (зачастую интерпретируемой очень субъективно), соответствующая этнолингвистической терминологии. Ведь К. Томсен, например, считает, что название *татарский язык* «употребляется уже около 1300 г. в Codex Cumanicus'e для кыпчакских языков команов, которыми говорили на территории бывшей Золотой Орды» [73, с. 407]. А команы у Томсена и других авторов нашего времени — это половцы... Получается заколдованный круг, за пределы которого выхода нет.

Неразработанность общепринятой этнонимической и этнолингвистической терминологии (несмотря на разнообразие, более или менее продуманные классификационные схемы языков) ощущается особенно в области кыпчаковедения. Этнонимы *половцы*, *команы*, *кыпчаки* употребляются то как совершенно адекватные синонимы, то как нетождественные понятия. Еще больше осложнений возникает при употреблении производных терминов. Если *половцы*, *команы*, *кыпчаки* — часто адекватные синонимы, то термины *половецкий*, *команский* и *кыпчакский язык* (а тем более *кыпчакские языки*) далеко не синонимичны. Как известно, термин *кыпчакский язык* выступает в роли то видового, то группового понятия, а присоединение к названию *кыпчакский* определяющего детерминанта не всегда спасает положение. Именно таким образом татары (тюркское — но не монгольское⁵ — население) периода Золотой Орды начали говорить по-половецки (но, по неизвестным причинам, не по-татарски, хотя об этом прямо говорит Codex Cumanicus), на половецком остаются говорить в XVI—XVII вв. армяне-тюркофоны Украины.

Этническая история тюрков Восточной Европы в период XIII—XVII вв. очень непростая. В ней нашли отражение динамика кочевничьего быта, частичная и постепенная урбанизация, полиэтнические контакты, ассимиляционные и диссимиляционные процессы, далеко не всегда понятные родоплеменные взаимоотношения — и все это на фоне социально-экономических и политических перемен. Но и эти обстоятельства вряд ли могут служить оправданием для сохранения архаизированной этнолингвистической терминологии. Развитие тюркских языков происходило в конкретно-исторических условиях, которые все еще недостаточно учитываются при изучении истории языков кыпчакской группы и приводят к таким необоснованным выводам, как возможность сохранения половецкого языка в языковой практике армян-тюркофонов Украины. Утверждения такого типа, что в армяно-кыпчакских памятниках XVI—XVII вв. «нашел отражение язык разговорный, принадлежавший одному из древних этнолингвистических ответвлений куманов-половцев» [59, с. 87], невозможно подкрепить вескими научными доводами.

Необходимо отказаться от оторванных от конкретно-исторической ситуации эклектических воззрений, что, хотя половцы как квазигосударственное образование прекратили свое существование под ударами монголо-татар в середине XIII в., язык их сохранился и даже превратился в господствующий в Золотой Орде. Из-за отсутствия памятников языка половцев подобное положение доказать невозможно. Известно, что монголо-татары с особым неистовством преследовали и физически уничтожали половцев, спасавшихся бегством в сопредельные страны. За пятнад-

⁵ Трудности в определении содержания этнонима *татары* в источниках ограничиваются XIII в. (тогда под татарами могли подразумеваться как монголы, так и турки, или, что соответствовало действительности, монголы и турки вместе). Начиная с XVI в. татары — это почти исключительно турки.

цатилетие 1222—1237 гг. монголо-татары «обезлюднили большинство их (половцев.— *Д. Я.*) местностей» в Северном Причерноморье, — писал персидский историк Рашид-ад-Дин (1247—1317) [24, с. 229], половцев на Северном Кавказе «перебили всех, кого нашли» [24, с. 229]. Монголо-татары истребили половцев Поволжья, как об этом рассказал другой современник Джувейни (1226—1283) [21, с. 24]. В 1236—1237 гг. монголо-татары устроили гигантскую облаву, охватившую территорию от Волги до западных пределов расселения половцев. Огромное количество половцев оказалось прижатым к морю на территории Крыма, где они массово гибли от голода и «пожирали друг друга взаимно, живые мертвых», как описывал папский посол к монгольскому хану Гильом Рубрук (1215—1220 — ок. 1270) [23, с. 90]. Он и другой папский нунций Джованни дель Пано Карпини (ум. 1248—1252) рисуют мрачную картину истребления половцев. «Команов перебили татары», «их истребили татары и живут в их земле», а на бескрайних обезлюдненных пространствах степи остались только «многочисленные головы и кости мертвых людей», — писал в 1246 г. Карпини [23, с. 72]. На степных просторах «до занятия их татарами жили команы капчат», там «прежде пасли свои стада команы», а сейчас осталось только «огромное количество могил команов», — реляционировал в 1253 г. Рубрук [23, с. 111, 108, 104]. «Кыпчаки уничтожены», — сообщил Джувейни [21, с. 26]. Половцы спасались, убегая в пределы Руси, приволжской Булгарии, Венгрии, куда, преследуя их, врвались монголо-татары. Из Венгрии они устремились на Балканы, в Малую Азию [65, с. 211], а на ту часть половцев, которая возвратилась в евразийские степи, монголо-татары по-прежнему смотрели как на «холопы и на конюсы свое» (по словам Новгородской летописи [22, с. 62]). «Рабы мои команы», — писал в 1237 г. Бату к венгерскому королю Беле IV, требуя их выдачи [26, с. 88, 107]. Оставшиеся в степи половцы были «обращены ими (монголо-татарами.— *Д. Я.*) в рабов», — писал Карпини [23, с. 72]. Их массами продавали в Египет, где они со временем создали влиятельную прослойку мамелюков. В свете тех и других сведений источников вполне обоснованным является вывод о том, что «создается картина такой радикальной чистки, которая сделала кыпчаков Золотой Орды отличными по составу и географическому распространению от половцев домонгольских времен» [66, с. 42].

Представляется более чем сомнительным, чтобы немногочисленные реликты половцев, низведенные в лучшем случае до уровня париев, могли сыграть заметную роль в формировании языка тюрок Золотой Орды. Место половцев в обезлюдненной степи постепенно заняли пришедшие из-за Волги другие тюркские племена, также кыпчакофоны. В Золотой Орде начал развиваться свой татарский (=старотатарский) язык с различными территориальными и социальными диалектами и литературными вариациями, возможно, впитавшими отдельные элементы языка остатков половцев или, что более правдоподобно, элементы языков, близких не существующему уже половецкому. И это был не старый половецкий (=команский), а нововозникающий татарский язык с различными соотношениями кыпчакских и огузских элементов.

Армянские колонии на Украине не были изолированы от столь близкого им — по территориальному расположению — тюркского мира. Связи — личные, торговые, культовые — с соплеменниками, проживающими в ареале господства татарского языка, в первую очередь в Крыму, были очень оживленными. На протяжении столетий оттуда, как из своеобразного резервуара, прибывали все новые и новые поколения переселенцев-армян, носителей современного им татарского языка. Если считать, что в самых ранних армяно-кыпчакских памятниках середины XVI в. нашли отраже-

ние черты половецкого языка (поддающиеся, скажем, удовлетворительной и обоснованной реконструкции), языка Codex Cumanicus'a, — то аналогичные черты наблюдались и в тогдашнем крымскотатарском языке, древнейшие памятники которого изучены все еще недостаточно. Армяно-кыпчакский язык возник, развивался и менялся в первую очередь под влиянием изменений, происходивших в крымскотатарском языке. Для развития по собственному изолированному пути условий не было.

Здесь, по-видимому, уместно упомянуть язык караимов со столь характерной эволюцией этого языка в условиях тюркского окружения в Крыму — и гальванизацией древних языковых явлений в изолированных от тюркского мира караимских колониях Литвы и Западной Украины. А вот развитие мамелюкско-(арабско-)кыпчакского языка (половецкие источники которого не подлежат сомнению), происходившее изолированно в Египте, пошло путем, отличным от языка татар Крыма, связи с которым оказались прерванными в XIV в. О развитии половецкого (кунского) языка в Венгрии, где он сохранялся в качестве разговорного будто бы до середины XVIII в., сказать что-нибудь определенное затруднительно, так как письменные памятники этого языка почти не дошли до наших времен.

Армянские колонии Украины и Польши никогда не достигали той степени обособленности от тюркского мира, которая была характерна для западных караимов и мамелюков-кыпчакофонов — поэтому не возникала ситуация для гальванизации языка на хронологическом уровне половецкого языка или хотя бы языка Codex Cumanicus'a.

Иными словами, памятники армяно-кыпчакского языка XVI—XVII вв., особенно его литературного варианта, — это, в первую очередь, важнейшие источники для изучения синхронного им татарского языка, а только во вторую очередь они могут служить материалом — как и все памятники западных среднетюркских языков — для реконструкции (если она возможна) половецкого языка.

Сведения источников XV—XVII вв. — это, конечно, данные экстралингвистического порядка, но, вместе с этим, и наблюдения современников, которые невозможно игнорировать. Они позволяют выдвинуть приведенные выше выводы в качестве рабочей гипотезы, нуждающейся в проверке и заполнении конкретным лингвистическим содержанием.

Исследования подобного типа имеют большое значение для решения не только языковедческих, но и более общих этногенетических и культурно-исторических вопросов.

ИСТОЧНИКИ

1. Книга Армянского духовного суда во Львове за 1572—1630 гг. — Библиотека мхитаристов, Вена, отд. рукописей, № 441.
2. То же за 1630—1642 гг. — Библиотека мхитаристов, Венеция, отд. рукописей, № 1788.
3. Сборник документов львовского армянского архикафедрального собора. — Научная библиотека Академии наук УССР, Львов, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № 1657.
4. Сборник документов Армянского суда во Львове за 1595—1654 гг. — Центральный государственный исторический архив УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 545.
5. Сборник документов по истории армянской колонии во Львове. — Там же, ф. 52, оп. 1, д. 889.
6. Судебная книга Армянского суда во Львове за 1537—1561 гг. — Там же, ф. 52, оп. 2, т. 513.
7. То же за 1561—1585 гг. — Там же, ф. 52, оп. 2, т. 514.
8. То же за 1601—1604 гг. — Там же, ф. 52, оп. 2, т. 517.
9. То же за 1607—1610 гг. — Там же, ф. 52, оп. 2, т. 519.
10. То же за 1611—1615 гг. — Там же, ф. 52, оп. 2, т. 520.

11. То же за 1616—1621 гг.— Там же, ф. 52, оп. 2, т. 521.
12. То же за 1621—1628 гг.— Там же, ф. 52, оп. 2, т. 522.
13. То же за 1629—1633 гг.— Там же, ф. 52, оп. 2, т. 523.
14. То же за 1634—1636 гг.— Там же, ф. 52, оп. 2, т. 524.
15. То же за 1638—1639 гг.— Там же, ф. 52, оп. 2, т. 525.
16. Судебно-административная книга Армянского войводства в Каменне-Подольском.— Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве, ф. 39, оп. 1, т. 11.
17. *Salmosagan*, копия 1581 г.— Библиотека мхитаристов, Венеция, отд. рукописей, № 359.
18. *Solikowski J. D.* Szrodki do zgody podane między panu rajce i miescany catholiki a p. Ormiany.— Центральный государственный исторический архив УССР во Львове, ф. 52, оп. 1, д. 136.
19. *Дашкевич Я. Р., Трьярски Э.* Армяно-кыпчакские долговые обязательства из Эдирне (1609 г.) и Львова (1615 г.).— РО, 1974, т. 37, zes. 1.
20. *Дашкевич Я. Р., Трьярски Э.* Армяно-кыпчакские предбрачные договоры из Львова (1598—1638 гг.).— РО, 1970, т. 33, zes. 2.
21. *Джувейни.* Из «Истории завоевания мира». — В кн.: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.— Л., 1941.
22. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. Под ред. *Насонова А. Н.* М.— Л., 1950.
23. *Дж. дель ПIANO Карпини.* История монгалов. *Г. де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Под ред. Шатиной Н. П. М., 1957.
24. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. Перев. с перс. Смирновой О. П. М.— Л., 1952.
25. *Симеон Лежацц.* Путевые заметки. Перев. с арм. Дарбинян М. О. М., 1965.
26. *Юлиан.* Письмо о монгольской войне.— Исторический архив. Т. 3. М., 1940.
27. *Alnpekus J.* Topographia civitatis Leopolitanae.— In: *Rachwał S.* Jan Alnpek i jego «Opis miasta Lwowa» z początku XVII w. Lwów, 1930.
28. *Balducci — Pegolotti F.* La pratica della mercatura. Ed. by Ewans A. Cambridge (Mass.), 1936.
29. *Bischoff F.* Urkunden zur Geschichte der Armenier in Lemberg. Wien, 1895.
30. *Botero G.* Relationi universali divise in IV parti. P. 1. Venetia, 1640.
31. *Celliarius A.* Regni Poloniae, Magnique Ducatus Lituaniae omniumque regionum juri Polonico subjectorum novissima descriptio. Amstelodami, 1659.
32. *Cromerus M.* Polonia sive de ritu, populis, moribus et republica regni Polonici. Coloniae, 1577.
33. *Deny J.* L'arméno-coman et les «Éphémérides» de Kamieniec. Wiesbaden, 1957.
34. *Długosz J.* Historiae Polonicae libri XII, t. 2. Ed. *Przeździecki A.* Cracovia, 1873.
35. *Frasson G.* Pseudo Epiphaniai Sermo de Antichristo (Armeniaca de fine temporum). Venezia, 1976.
36. *Gratiani A. M.* De vita Joannis Francisci Commendoni cardinalis libri IV. Patavii, 1685.
37. *Gratiani A. M.* La vie du cardinal Jean François Commendon divisée en IV livres. Paris, 1671.
38. *Kern A.* Der «Libellus de Notitia Orbis» Johannes' III (de Galonifontibus?) OP, Erzbischof von Sultanyeh.— Archivum Fratrum Praedicatorum. Roma, 1938, v. 8.
39. *Lasicius J.* De religione Armeniorum.— In: Michalonis Lituani De moribus Tartarorum, Lituatorum et Moschorum. Basileae, 1615.
40. *Lewicki T., Kohnowa R.* La version turque-kiptchak du «Code des lois des Arméniens polonais».— RO, 1957, t. 21.
41. *Martiros Erimec'i.* Patmut'iw'n İrimay erkri.— In: Martirosyan A. A. Martiros Erimec'i. Erevan, 1958.
42. *Mathias de Meychow.* Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana et de contentis in eis. Augustae Vindelicorum, 1518.
43. *Nersesowicz D.* Dwa intermedia do tragedii x. Alojzego Pidou «Sancta Pulcheria» (1669 r.).— Pamiętnik Literacki, Lwów, 1938, rocz. 35.
44. *O'Connor B.* The History of Poland in several letters to persons of quality. V. 1. London, 1698.
45. *Paschalis de Victoria.* Epistola.— In: Sinnica Franciscana. V. 1. Quaracchi, 1929.
46. *Petrycy S.* Jeśli Żydowie więcej podeyrzani y gorszy sa Rzeczypospolitey niżli Ormianie.— In: Aristoteles. Polityki to iest Rządu rzeczypospolitej z dokładem... księg VIII, cz. 1. Kraków, 1601.
47. *Pidou L. M.* Breve relatione dello stato, principii e progressi della missione apostolica agli Armeni di Polonia e Valachia. — In: Źródła dziejowe. T. 2. Warszawa, 1876.
48. *(Pidou L. M.)* Compendiosa relatio unionis nationis Armeno-Polone cum. s. ecclesia Romana.— In: Źródła dziejowe. T. 2. Warszawa, 1876.
49. Relacje arcybiskupów lwowskich 1595—1794. Wyd. *Długosz T.* Lwów, 1947.

50. *Schütz E.* Armeno-kiptschakische Ehekontrakte und Testamente.— *Acta Orientalia Hung.* Budapest, 1971, t. 24, fasc. 3.
51. *Simeon dpri Leahac'woy Uiegrut'iwn taregrut'iwn.* Ed. Akinean N. Vienna, 1936.
52. (*Simeon dpri Leahac'woy*) *Vipasanut'iwn Nikolakan.*— In: *Ališan Ė. M. Kamenic'.* Venetik, 1896.
53. *Sulicovius J. D.* Commentarius brevis rerum Polonicarum a morte Sigismundi Augusti Poloniae regis. Dantisci, 1647.
54. *Tryjarski E.* Der zweite Brief des Paulus an die Korinther in armeno-kiptschakischer Version und seine Sprache.— *Altaica collecta.* Wiesbaden, 1976.
55. *Tryjarski E.* Zodyak bølge burçlarının bir ermenikiptçak listesi.— In: XI. Türk Dil Kurultayında Okunan Bilimsel Bildiriler. Ankara, 1968.
56. *Werdum W., von.* Journal der Reysen, die ich durch die Königreiche Polen, Frankreich, Engellandt gethan.— In: *Liske X.* Cudzoziemcy w Polsce. Lwów, 1876.
57. *Younanean V. I.* t'it'oc' af Evdokiac'is.— In: *Ališan Ė. M. Kamenic'.* Venetik, 1896.
58. *Zeiller M.* Anderte Beschreibung des Königreichs Polen und Grosshertzogthums Litauen. Ulm, 1657.

ЛИТЕРАТУРА

59. *Гаркавец А. Н.* Армяно-кыпчакские письменные памятники XVI—XVIII вв.— В кн.: Средневековый Восток. История, культура, источникведение. М., 1980.
60. *Гаркавец А. Н.* Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским в XVI—XVII вв. Киев, 1979.
61. *Дашкевич Я. Р.* Армяно-кыпчакский язык. Библиография литературы 1802—1977.— *RO*, 1979, t. 40, zesz. 2.
62. *Дашкевич Я. Р.* Львовские армяно-кыпчакские документы XVI—XVII вв. как исторический источник.— *Историко-филологический журнал.* Ереван, 1977, № 2.
63. [*Кавелин Л. А.*] Греческие сказки об армянской вере, перешедшие в нашу древнюю русскую письменность.— Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. М., 1878, кн. 1.
64. *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
65. *Пашуто В. Т.* Монгольский поход в глубь Европы.— В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. 2-е изд. М., 1977.
66. *Bžškeanc' M.* Sanaparhordut'iwn 'i Lehastan. Venetik, 1830.
67. *Ciampi S.* Bibliografia critica delle antice reciproce corrispondenze... dell' Italia. V. 2. Firenze, 1834.
68. *Gabain A., von.* Die Sprache des Codex Cumanicus.— In: *Philologiae Turcicae fundamenta*, t. 1. Aquis Mattiacis, 1959.
69. *Giwvër Agonc' S.* Ašxarhagrut'iwn čoric' masanc' ašxarhi..., t. 2, hat. 2. Venetik, 1802.
70. *Petrowicz G.* La chiesa armena in Polonia. Roma, 1971.
71. *Schütz E.* Notes on the Armeno-Kipçak Script and its Historical Background.— In: *Aspects of Altaic Civilisation.* Bloomington — The Hague, 1963.
72. *Thomsen K.* Das Kasantatarische und die westsibirischen Dialekte.— In: *Philologiae Turcicae fundamenta*, t. 1. Aquis Mattiacis, 1959.